ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 12 | 2025. Volume 18. Issue 12
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Идеологизация лексической семантики в террористическом дискурсе: трансформации компонентной структуры значения

Сандлер П. В.

Аннотация. Исследование посвящено лингвистическому анализу инкорпорации идеологической доктрины в семантическую структуру лексических единиц террористических текстов (Т-текстов). Цель исследования заключается в разработке комплексной лингвистической модели, позволяющей выявлять и систематизировать специфические механизмы инкорпорации идеологической доктрины терроризма в семантическую структуру лексических единиц Т-текстов, приводящие к искажению значений и манипулятивному воздействию. Научная новизна работы определяется выявлением и систематизацией трансформационных процессов на микроуровне лексической семантики в террористическом дискурсе, а именно: детализированное описание механизмов перекодировки денотативного значения, формирования бинарной оценочности на эмотивном уровне, а также конструирования ложной солидарности (парадигматика), создания идеологически «правильных» сочетаний (синтагматика) и использования специфических приемов экспрессии (стилистика) для мобилизации реципиента. Полученные результаты показали, как Т-тексты формируют искаженное мировоззрение и легитимируют насилие, призывая к активным действиям посредством уникального манипулятивного потенциала лексической семантики, что является критически важным для разработки эффективных контрнарративов и стратегий по противодействию радикализации в современном обществе.

EN

Ideologization of lexical semantics in terrorist discourse: transformations in the component structure of meaning

P. V. Sandler

Abstract. The study is devoted to the linguistic analysis of the incorporation of ideological doctrine into the semantic structure of lexical units of terrorist texts (T-texts). The purpose of the study is to develop a comprehensive linguistic model that allows for identifying and systematizing specific mechanisms for the incorporation of the ideological doctrine of terrorism into the semantic structure of lexical units of T-texts, leading to distortion of meanings and manipulative effects. The scientific novelty of the work is determined by the identification and systematization of transformational processes at the microlevel of lexical semantics in terrorist discourse, namely: a detailed description of the mechanisms of transcoding denotative meaning, the formation of binary evaluativeness at the emotive level, as well as the construction of false solidarity (paradigmatics), the creation of ideologically “correct” combinations (syntagmatics), and the use of specific methods of expression (stylistics) to mobilize the recipient. The results showed how T-texts form a distorted worldview and legitimize violence, calling for active action through the unique manipulative potential of lexical semantics, which is critically important for developing effective counter-narratives and strategies to counter radicalization in modern society.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения лингвистических механизмов, форм и стратегий террористического дискурса, что является фундаментальным условием для эффективного противодействия радикализации, дезинформации и экстремистской пропаганде в современном информационном пространстве.

Эскалация террористической активности в XXI веке, трансформируясь из локальной угрозы в глобальный феномен, активно использует современные медиа и информационные технологии для достижения своих целей, повышая тем самым значимость лингвистического анализа этого феномена. В контексте этого вызова,

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250732

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

крайняя идеологизированность террористического дискурса становится определяющим фактором, пронизывающим все уровни языковой системы. Исследование показывает, что в отличие от нейтрального дискурса, где значение слов формируется под влиянием объективной реальности, в текстах террористической направленности (Т-текстах) идеология приобретает статус первичного фактора, определяющего как содержание, так и оценку передаваемой информации. Идеологизированные денотативные семы активно перекодируют реальность, искажая базовые понятия и ценности. Так, терроризм, насилие и убийства переосмысливаются в терминах «джихад», «справедливое возмездие» и «очищение», а террористические организации позиционируются как легитимные государственные субъекты, требующие защиты. Одновременно с этим, противники и иные цивилизации демонизируются, представляясь в качестве «крестовой атаки» и «агрессии», что апеллирует к исторической памяти и формирует образ внешнего врага. Не менее важным является влияние эмотивно-оценочного компонента, который в Т-тексте поляризует мир на «своих» и «чужих». Слова с положительной оценочностью (например, «джихад», «единобожники», «Халифат», «защита») формируют чувства одобрения, гордости и преданности, легитимизируя насилие, тогда как слова с отрицательной оценкой (такие как «крестовая атака», «неверные», «яхуды», «рафидиты») провоцируют отвращение, страх и ненависть, дегуманизируя оппонентов. Такое бинарное деление реальности способствует созданию упрощенной картины мира, повышая эффективность пропаганды. Кроме того, исследование подчеркивает, что собственно языковой компонент (парадигматические, синтагматические и стилистические связи) активно задействуется для достижения идеологических целей: формируется иллюзия монолитного сообщества, создаются идеологически «правильные» словосочетания, легитимизирующие насилие, и используются приемы агитационно-пропагандистского стиля для мобилизации эмоций. Таким образом, террористический дискурс выступает не просто как средство передачи информации, а как мощный инструмент формирования искаженного мировоззрения и мобилизации сторонников к насилию. Понимание механизмов языкового воздействия, лежащих в основе этого процесса, представляется ключевым для разработки адекватных мер противодействия радикализации, дезинформации и экстремистской пропаганде в современном информационном пространстве.

Исходя из цели исследования, были поставлены следующие задачи:

1. Выявить специфику проявления идеологизированности в денотативном компоненте значения ключевых лексических единиц террористического дискурса, сфокусировавшись на категориях прогрессивности/непрогрессивности, истинности/ложности, морально-этической ценности и доктринальной принадлежности.

2. Определить особенности формирования и функционирования эмотивного компонента в лексике террористического дискурса, продемонстрировав его бинарную оценочность и взаимосвязь с идеологизированными денотативными семами.

3. Изучить механизмы реализации идеологического воздействия на уровне собственно языкового компонента значения, проанализировав его парадигматические, синтагматические и стилистические микрокомпоненты в контексте формирования искаженной картины мира.

В данном исследовании для анализа террористического дискурса был применен комплекс взаимодополняющих методов. Прежде всего был задействован дескриптивный (описательный) метод, который позволил детально охарактеризовать особенности террористического дискурса, его ключевые языковые средства и основополагающие идеологические установки. Далее, для углубленной интерпретации смыслов и выявления скрытых интенций использовался метод контекстуального анализа. Он был направлен на осмысление значений слов и выражений непосредственно в рамках террористического текста, а также на определение их идеологической нагрузки и потенциального влияния на реципиента. В процессе анализа учитывались не только прямые, денотативные значения слов, но и их коннотации, стилистические особенности и широкий социокультурный контекст. Наряду с этим, детализация семантической структуры ключевых лексем осуществлялась посредством метода компонентного (семантического) анализа. Его применение было необходимо для вычленения и изучения различных компонентов значения (денотативного, эмотивного, собственно языкового), а также их микрокомпонентов (парадигматического, синтагматического, стилистического). Это позволило всесторонне выявить механизмы проникновения идеологии в структуру значения и ее последующей трансформации в соответствии с целями террористического нарратива. Особое внимание в исследовании уделялось методу дискурс-анализа, который применялся для изучения террористического дискурса как специфического типа коммуникации. Данный анализ был направлен на выявление способов формирования определенного мировоззрения, легитимации насилия и мобилизации сторонников. Кроме того, детально анализировались стратегии убеждения, манипуляции и дегуманизации, характерные для текстов террористической направленности. Наконец, сравнительно-сопоставительный анализ был задействован для выявления критических различий в значении слов при их использовании в нейтральном и идеологизированном дискурсе. Это позволило обнаружить и описать конкретные механизмы трансформации и искажения смысла, присущие террористическим текстам.

Материалом исследования послужили русскоязычные аудиозаписи членов запрещенной в РФ организации ИГИЛ-Хорасан*, полученные из открытых интернет-источников (2016, 2018 гг.).

Теоретическую базу исследования составляют работы в области общей семасиологии, лексикографии и теории значения слова (Загоровская, 2011; Стернин, 2015; Селиверстова, 1975). Особое внимание уделяется положениям, раскрывающим проблематику идеологизированности в семантике ключевых слов и ее влияния на дискурсивные практики (Заварзина, 2023; Генералова, 2012; Тузиков, 2011). Для анализа террористического дискурса как особого вида коммуникативной деятельности и формы речевого манипулирования привлекаются

исследования, посвященные вербальному экстремизму (Громова, 2016), дискурсивным практикам современного терроризма (Кафтан, Найдина, 2013), а также концепциям идеологии и идеологического дискурса в современной социологии (Тузиков, 2011). В рамках этого подхода особое значение приобретают работы, рассматривающие феномен террора с социально-философской точки зрения (Бахтин, Попков, Тюгашев, 2006), а также анализирующие современное общество как «общество риска» (Бехман, 2007), где терроризм выступает одним из ключевых источников глобальной опасности. Важными для понимания природы современного терроризма как медийного феномена и инструмента воздействия являются работы Ж. Бодрийяра (2000; 2001), который рассматривает терроризм как «гиперреальный», неуловимый конструкт, во многом существующий в пространстве СМИ, и Г. Вайнманна (2007), анализирующего теракт как «театральную постановку на сцене СМИ». Идеи П. Бурдьё (2007) о социологии социального пространства позволяют осмыслить, как террористические группы используют символическое насилие и борьбу за символическое пространство для утверждения своей идентичности и влияния. В контексте проблематики терроризма и его осмысления как глобального риска используются работы, рассматривающие модели общественных преобразований и профилактику экстремизма (Базаркина, 2013; Назаров, Осипчукова, 2015). Особое внимание уделяется лингвистической экспертизе и выявлению маркеров деструктивных идеологий, что напрямую связано с материалом нашего исследования (аудиозаписи ИГИЛ-Хорасан*). В этой связи используются работы, посвященные языковым маркерам экстремизма, фашизма и нацизма в практике судебных лингвистических экспертиз (Куршакова, Рядчикова, Схаляхова, 2023), а также исследования, направленные на выделение лингвокультурных маркеров джихадистских материалов для их первичного выявления правоохранительными органами (Насруллаев, 2024). Вопросы трансформации политической идентичности и идеологического противостояния также рассматриваются с учетом работ о роли русофобии в политической идентичности (Глебездин, 2024). Работа Е. И. Галяшиной, В. Д. Никишина, К. М. Богатырева, Е. Г. Пфейфера (2023), посвященная фейковизации как средству информационной войны, включена в теоретическую базу для обоснования актуальности исследования в контексте информационно-психологического воздействия и распространения недостоверной информации (фейкинга) в медиадискурсе, что напрямую соотносится с манипулятивными стратегиями террористического дискурса. Теоретической базой исследования также послужили работы, рассматривающие различные аспекты идеологического воздействия на язык и коммуникацию (Гао Лия, 2021; Колобова, 2025; Королькова, 2025; Кряжев, 2021; Черезова, 2024).

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанная комплексная лингвистическая модель и выявленные механизмы идеологической трансформации значения слов в террористическом дискурсе позволяют эффективно распознавать, анализировать и классифицировать материалы экстремистского характера, что может способствовать разработке более точных алгоритмов для систем автоматизированного мониторинга и блокировки противоправного контента в сети Интернет и других информационных пространствах. Разработанная методология анализа идеологизированной лексики может быть использована в практике лингвистической экспертизы для квалификации текстов, содержащих признаки призывов к терроризму, экстремизму, разжиганию ненависти и других форм социально опасной коммуникации. Она обеспечивает обоснование экспертных заключений, опираясь на детальный анализ семантической структуры слова. Практические выводы, полученные в ходе настоящего исследования, имеют междисциплинарный характер и могут быть использованы в следующих областях:

1. В области лингвистики: для дальнейшего теоретического развития семантики, дискурсивного анализа, политической лингвистики, судебной лингвистики (лингвистической экспертизы) и когнитивной лингвистики, в частности при изучении механизмов языкового воздействия и манипуляции. Для расширения методологической базы анализа идеологизированных текстов и разработки новых подходов к исследованию феномена искажения значений.
2. В сфере информационных войн и медиакоммуникаций: для анализа дезинформационных кампаний, осуществляемых террористическими и экстремистскими организациями. При разработке программ по повышению медиаграмотности населения и защите информационного пространства от манипулятивного воздействия.
3. В переводческой деятельности и межкультурной коммуникации: для обучения переводчиков, специализирующихся на работе с текстами высокой степени идеологической насыщенности (включая военный и политический дискурсы), а также для формирования адекватных стратегий перевода и адаптации, позволяющих точно передавать не только денотативное, но и коннотативное, а также идеологическое содержание оригинальных сообщений, избегая при этом непреднамеренной легитимизации или искажения смыслов.

Обсуждение и результаты

В начале XXI столетия, согласно оценкам многих экспертов, террористическая деятельность трансформировалась в планетарный вызов, став системной угрозой для всего человечества.

Немецкий мыслитель Г. Бехман (2007) рассматривает данный феномен сквозь призму теории риска, утверждая, что терроризм представляет собой всемирный источник опасности и генератор многовекторных социальных рисков. Эта концепция смещает фокус с политических или идеологических мотивов террора на его способность дестабилизировать общество и порождать непредсказуемые угрозы, требующие постоянного управления и контроля.

Американский социолог М. Кастельс (2000) развивает эту мысль, предполагая, что повсеместное восприятие терроризма (будь то локального или глобального) как ключевой угрозы является лишь начальной стадией осознания проблемы. М. Кастельс подчеркивает, что неуклонно растущая технологическая сложность, характерная для информационного общества, в новом тысячелетии неизбежно приводит к появлению форм неограниченного, или «беспредельного», террора. Этот тревожный вывод, по мнению социолога, ставит под сомнение традиционные представления о поступательном и безусловном характере человеческого прогресса.

Французский философ Ж. Бодрийяр (2001) акцентирует внимание на усилении дискурсивного (коммуникативного и символического) измерения современного террора. Он утверждает, что терроризм направлен на разрушение самой основы современного социального устройства: сложной сети связей, структур контроля и блокировки. Ж. Бодрийяр описывает социальную реальность, с которой сталкивается терроризм, как новую, гиперреальную и неуловимую. Данная реальность поддерживается не столько традиционными инструментами власти – законом, насилием или репрессиями, – сколько через внедрение поведенческих моделей, а также механизмов убеждения и разубеждения. Ключевой аудиторией для такого террора, по Ж. Бодрийяру, являются именно массы, пребывающие в пассивном молчании и загипнотизированные потоком информации. Терроризм использует любые доступные средства, чтобы стереть всякий смысл своих действий и создать ситуацию, в которой невозможно адекватно оценить его социальную нелегитимность, отсутствие реальных политических результатов или его непричастность к историческому процессу. Философ заключает, что подлинным «отражением» террористического акта является не цепь вызванных им исторических последствий, а исключительно его медийное представление – шокирующее сообщение, транслируемое через средства массовой информации.

Таким образом, анализ взглядов мыслителей показывает, что в XXI веке терроризм перестал быть просто актом физического насилия; он превратился в сложный гибридный феномен, который одновременно является глобальным риском, следствием технологического развития и, что наиболее важно, медийным спектаклем, существующим в пространстве символов и информации.

Многообразие форм террористической деятельности, внушительное, но порой противоречивое идейное наследие, а также постоянное совершенствование методов и средств осуществления терактов обусловливают отсутствие единого, общепризнанного толкования понятия «террористический дискурс». В рамках его изучения выделяется ряд аналитических подходов, среди которых можно назвать семиотико-символический, лингводевиантный, принудительно-регулятивный, мировоззренчески-пространственно-временной и другие.

Семиотико-символический подход фокусируется на знаковом и символическом наполнении коммуникации, связанной с терроризмом. Дж. Дериан (Derian, 2009) в своем научном исследовании «Критические практики международных теорий» в разделе, посвященном понятию «террористический дискурс», определяет его как глобальное семиотическое противостояние. Данное противостояние характеризуется столкновением экспансионистских интересов государств и реформаторских устремлений. Автор подчеркивает, что в контексте «ядерного пата», ограничивающего экспансию ведущих держав, и глобальной информационной экономики именно в непредсказуемой сфере терроризма обнажается кризис легитимности политической власти, самоидентификации наций и прикладной науки.

Р. Р. Вахитов (2001), в свою очередь, полагает, что стремление участников террористических организаций к взаимодействию с западным сообществом, осуществляемое через культурные знаки и обозначения его собственной системы взглядов – то есть посредством мета-языка, присущего миру представлений, – объясняется их желанием быть замеченными в этой среде. Однако, согласно его видению, результатом такого обращения является лишь включение указанных субъектов в качестве второстепенной составляющей одного из произведений данного рассуждения, именуемого «теракт».

Ряд исследователей, в числе которых Ж. Бодрийяр (2000), Р. Вахитов (2001) и Л. Медведко (2003), придерживаются единой точки зрения, что террористический акт действительно может обладать смысловым проявлением, заключая в себе скрытое значение. В качестве примера приводится происшествие одиннадцатого дня девятого месяца, которое толкуется как зашифрованное известие устроенному миру от народов, нареченных отсталыми или дикими (Бодрийяр, 2000). Основное содержание этой вести можно выразить следующим образом: «Мы используем передовые мирные находки в качестве орудия, соединяя их с душевной мощью самопожертвования, дабы противостоять западному порядку» (Медведко, 2003, с. 150).

Таким образом, в рамках данного аналитического вектора коммуникация террористических групп воспринимается как сложная система зашифрованных посланий и символов, которые они транслируют в общественное сознание.

Безусловно, концепция «идеология» тесно переплетается с понятием «дискурс», оказывая определяющее воздействие на формирование и функционирование дискурсивных практик в целом. Это влияние, разумеется, распространяется и на структуру дискурса, представленного в конкретных анализах общественного мнения (Тузиков, 2011).

Одним из ключевых инструментов для реализации основной цели дискурса терроризма – оказания влияния на аудиторию и убеждения ее в правоте занимаемой позиции – выступает текст с террористической окраской. Этот тип текста содержит определенные лингвистические элементы, или маркеры, которые позволяют идентифицировать не только социально опасную направленность высказывания, но и степень исходящей от него террористической угрозы.

Подобные языковые средства, будучи своеобразными «индикаторами» конкретной идеологии, выполняют в тексте роль единиц, репрезентирующих определенный идеологический код (Генералова, 2012, с. 141). Иными словами, они служат сигналом, который позволяет распознать и деконструировать заложенные

в тексте идеологические установки и понять, каким образом эти установки направлены на достижение целей террористической пропаганды. Т-текст, таким образом, становится полем битвы за умы, где лингвистические маркеры выступают в качестве оружия.

Наше исследование выявило характерную черту текстов, имеющих террористическую окраску, – императивная, идеологическая ангажированность (Заварзина, 2023). Эта особенность проистекает не столько из присущих отражаемым событиям реалий, не из объективных внеязыковых или языковых закономерностей, сколько из доминирующей в террористическом коммуникативном пространстве идеологии.

Кроме того, таким текстам присуща ярко выраженная, однозначная оценочность, которая формируется и определяется исключительно тем, насколько то или иное понятие, явление или действие согласуется с ключевыми догматами и установками террористической идеологии или, напротив, противоречит им. Любое отклонение от идеологической нормы немедленно маркируется как негативное, а соответствие – как позитивное, без каких-либо полутонов или критического осмысления. Таким образом, Т-текст не стремится к объективному анализу, а, скорее, навязывает предопределенную оценку, жестко укорененную в рамках своей доктрины.

Эти два взаимосвязанных аспекта – жесткая идеологизированность и однонаправленная оценочность – делают Т-текст мощным инструментом пропаганды. Он не просто информирует, а формирует искаженное мировоззрение, где реальность переинтерпретируется через призму радикальных убеждений, а все, что не соответствует им, автоматически подвергается осуждению или полному отрицанию, что позволяет террористам не только оправдывать свои действия, но и мобилизовать сторонников, а также демонизировать оппонентов, создавая черно-белую картину мира.

Идеологически нагруженные денотативные компоненты значения (то есть их предметно-логическая суть) ключевых лексических единиц в Т-текстах содержат специфическую, искаженную информацию, касающуюся оценки явлений или понятий с позиций их прогрессивности или отсталости, истинности или ложности. При этом критерии «добра» и «зла», «справедливости» интерпретируются исключительно в рамках мировоззрения, навязываемого террористической идеологией, а не общепринятых этических норм. Более того, эти семы несут в себе указания на степень солидарности или враждебности того или иного концепта по отношению к террористической доктрине. Например, идея «террора» может быть представлена как безусловное «благо» для мирового сообщества, что полностью переворачивает традиционные представления о морали и ценностях. Таким образом, через денотативные значения слов происходит активное перекодирование реальности, где обыденные понятия получают радикально иное толкование, подчиненное целям пропаганды и легитимации насилия. Это позволяет создателям Т-текстов формировать у реципиента искаженное представление о мире, где их действия воспринимаются как единственно верные и оправданные.

Применяя методологию анализа, основанную на положении о том, что идеологически обусловленные смысловые компоненты ключевых лексических единиц несут в себе сведения о соответствии явления критериям прогресса или регресса, его достоверности или недостоверности, его морально-этической оценке (в категориях добра и зла, справедливости, интерпретируемых в рамках конкретной идеологии), а также о степени согласия или противоречия по отношению к ней, представляется возможным установить способы влияния исследуемого текста на воспринимающего субъекта. Особое значение при этом придается тому, как указанные смысловые компоненты свидетельствуют о принадлежности рассматриваемой реалии к определенной политической системе или религиозной доктрине.

Рассмотрим следующий фрагмент: «*О единобожники, в Америке и Европе, Австралии и в Канаде, о единобожники в Алжире, Хорасане, Иране. О единобожники во всех концах земли, о братья, о люди дружбы и непричастия, о помощники Исламского государства*, о те, кто поддерживает Халифат, ваше государство подверглось новой крестовой атаке, о единобожники, мы побуждаем тебя защитить Исламское государство*, вставай единобожник, вставай и защищай свое государство, вставай, помогай своим братьям…*» (https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg).

Данный фрагмент представляет собой призыв к действию, оформленный как воззвание к глобальной аудитории. Анализ его лексического состава позволяет выявить следующие механизмы идеологического воздействия на уровне денотативных сем:

1. «*Единобожники*» (О, единобожники) – прямое денотативное значение – последователи монотеистической религии, верящие в одного Бога. В данном тексте термин «*Исламское государство**» служит ключевым маркером, указывающим на принадлежность к специфической интерпретации ислама. Оно создает образ эксклюзивного, праведного сообщества, противопоставленного всем «другим». Принадлежность к «е*динобожникам*» автоматически наделяет человека статусом «праведного», «доброго» и «справедливого», делая его носителем «“истинной веры”». Это формирует четкое «мы» против «них». Повторение призыва «*О, единобожники*» многократно усиливает сему солидарности, создавая ощущение глобального братства и единства (братья, люди дружбы), преодолевающего географические границы (*Америка, Европа, Австралия, Канада, Алжир, Хорасан, Иран*). В рамках данной идеологии «единобожие» воспринимается как единственно истинный и прогрессивный путь, в отличие от любых других форм верований или неверия.

2. «*Исламское государство**» / «*Халифат*» / «*ваше государство*» – прямое денотативное значение – политическое образование, Халифат – форма правления, возглавляемая халифом. Это прямая отсылка к конкретной, самопровозглашенной террористической организации и ее политико-религиозной концепции. Слово «государство» в их контексте несет сему легитимности, суверенитета и территориальной целостности, которой в действительности оно не обладает. «*Исламское государство**» преподносится как воплощение «добра» и «справедливости» по отношению к «е*динобожникам*». Его защита позиционируется как высшая моральная обязанность.

Использование местоимения «*ваше государство*» прямо устанавливает связь между «единобожниками» и данной формацией, формируя чувство общей принадлежности и ответственности. Это «наше» государство, которое нужно защищать, а значит, все, кто выступает против него, – «враги».

3. «*Крестовая атака*» – исторические военные походы европейских христиан против мусульман на Ближнем Востоке. Этот термин используется для «переосмысления» современных военных действий. Он устанавливает историческую преемственность с давними конфликтами на религиозной почве, тем самым придавая текущим событиям идеологический и сакральный смысл. Риторика, представляющая «крестовую атаку» как «зло» и «несправедливость», исходящую от внешних врагов, является мощным инструментом демонизации противника и оправдания оборонительных (и ответных) действий. В рамках этой риторики происходящее предстает не как «военная операция», а как продолжение векового противостояния.

4. Императивные формы («*вставай», «защищай», «помогай*») – побуждение к действию, приказ. Данные команды прямо мобилизуют аудиторию на защиту «своего» и борьбу против «чужого». Они усиливают чувство срочности и личной ответственности. Действия, к которым призывают императивы, в рамках идеологии воспринимаются как единственно правильные, необходимые и прогрессивные для сохранения «истинного» порядка.

Анализ данного фрагмента с точки зрения идеологизированных денотативных сем показывает, что текст не просто информирует, а активно формирует картину мира, жестко поляризованную на «своих» и «чужих». Каждое ключевое слово здесь функционирует как носитель глубоко укорененных идеологических установок: конструирует эксклюзивное сообщество («единобожники») с четкой религиозно-политической идентичностью («Исламское государство*», «Халифат»); демонизирует противника, перенося современные конфликты в контексте древних религиозных войн («крестовая атака»); переопределяет морально-этические категории, подчиняя их целям своей идеологии (террор как благо, защита «государства» как высшая справедливость); создает иллюзию глобальной солидарности внутри «праведного» сообщества; и, наконец, оно содержит прямую мобилизационную интенцию, призывая к активным действиям на основе этих искаженных представлений.

Таким образом, на денотативном уровне происходит не отражение объективной реальности, а ее активное перекодирование и переформатирование в соответствии с радикальными идеологическими целями, что и составляет суть манипулятивного воздействия подобных текстов.

Эмоционально-оценочный компонент в структуре значения ключевых слов, используемых в террористических текстах (Т-текстах), служит вместилищем специфической информации о социальных оценках тех или иных явлений, понятий или действий, преломленных через призму экстремистской идеологии.

Как показывает анализ языкового материала, в подавляющем большинстве случаев идеологически окрашенные оценочные семы (т. е. смысловые единицы, несущие оценку) формируются под прямым влиянием и в тесной связи с идеологизированными денотативными семами (смысловыми единицами, описывающими предметную суть). Иными словами, то, как некое понятие или явление интерпретируется на уровне его «объективного» содержания (денотации), немедленно определяет его эмоциональную и моральную оценку. Если денотативно нечто позиционируется как «истинное» или «прогрессивное» с точки зрения террористической доктрины, то автоматически оно приобретает положительную эмоциональную окраску.

В Т-тексте оценочностные лексические единицы характеризуются четким бинарным делением, разделяясь на две противостоящие группы:

1. Лексика с однозначно положительной оценочностью. Сюда относятся слова и выражения, описывающие аспекты, действия, идеи или акторов, которые воспринимаются как «свои», «правильные», «героические» или «праведные» в рамках террористической идеологии. Данные слова призваны вызывать у реципиента чувства одобрения, восхищения, гордости, надежды и преданности. Они конструируют образ идеального будущего, легитимируют насилие как средство достижения цели и возвышают фигуру террориста-борца.

2. Лексика с однозначно отрицательной оценочностью. Данная категория включает слова, обозначающие «чуждые» элементы, врагов, их идеи, действия или характеристики. Такие единицы направлены на формирование у читателя или слушателя чувства отвращения, негодования, страха, презрения и ненависти. Они служат для дегуманизации оппонентов, оправдания насилия против них и усиления внутренней сплоченности группы за счет противопоставления внешнему «злу».

Таким образом, эмоционально-оценочный компонент в Т-тексте не просто отражает существующие социальные оценки, а активно конструирует их, создавая упрощенную, чёрно-белую картину мира, где добро и зло жестко разграничены в соответствии с экстремистскими догмами. Это мощный инструмент манипуляции, направленный на эмоциональное вовлечение реципиента и формирование у него предвзятого отношения к явлениям и лицам, не соответствующих заданной идеологии.

Лексические единицы, несущие эмоционально-оценочную нагрузку в террористических текстах, можно разделить на две четко разграниченные категории, каждая из которых выполняет свою функцию в процессе идеологической обработки:

1. Группа лексики с положительной оценочностью (легитимация насилия и сакрализация действий). Данная категория включает понятия, которые являются фундаментальными для террористической доктрины и формируют ее ядро. В рамках Т-текста они наделяются исключительно положительной, сакральной или героической коннотацией, несмотря на их денотативное содержание, связанное с насилием и разрушением.

Приведем пример: «*…Всевышний Аллах сделал джихад наилучшим из деяний, а также вершиной ислама. <…> Сказал Всевышний Аллах: “Если вы не выступите в поход, то он подвергнет вас мучительным страданиям и заменит вас другим народом”. <…> Он (Всевышний) приказал совершить джихад всем, и не сделал исключение никому. <…> Убивайте многобожников, где бы вы их не обнаружили, берите их в плен, осаждайте,*

устраивайте для них любую засаду, отрубайте им головы, превратите их жизнь в ужас, взрывайте их дома» (https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg).

Для демонстрации механизмов идеологической трансформации значения ключевых лексических единиц, выявленных в приведенном фрагменте, обратимся к Таблице 1.

Таблица 1. *Идеологическая перекодировка значения и функции ключевых лексических единиц во фрагменте террористического дискурса*

Лексическая единица	Идеологизированная оценочная сема	Функция в Т-тексте
Джихад (Борьба)	Высшая праведность, моральный долг, героическое деяние.	Трансформирует насилие в религиозную обязанность, придает актам агрессии сакральный смысл, мобилизует сторонников.
Устрашение, Насилие, Террор	Необходимое средство, справедливость, очищение, благо.	Переворачивает общепринятую мораль. Насилие подается как единственно эффективный и легитимный способ достижения цели, как «лекарство» для общества.
Убийства (в контексте врагов)	Справедливое возмездие, акт очищения, исполнение воли.	Снимает моральный барьер перед совершением преступлений, превращая убийство врагов в добродетель.

Положительная оценочность, присвоенная этим терминам, является ключевым механизмом когнитивного диссонанса. Террористическая идеология заставляет реципиента воспринимать действия, которые в нормальном обществе считаются преступными (террор, убийства), как морально оправданные и даже желательные. Через эту лексику происходит сакрализация насилия, что критически важно для вербовки и поддержания боевого духа.

2. Группа лексики с отрицательной оценочностью (дегуманизация и конструирование врага).

Данная категория охватывает понятия, которые являются враждебными или противоположными основным положениям террористической идеологии. Эти слова используются для обозначения внешних и внутренних противников, и им присваивается крайне негативная, уничижительная и демонизирующая оценка.

Рассмотрим следующий фрагмент: «*Рафидиты и нусариты не могут защитить себя, поэтому открыто попросили помощи у Америки, приветствуя удары по Исламскому государству*. <…> Мужчины, женщины, дети из числа мусульман пострадали из рук яхудов, крестоносцев, рафидитов, безбожников и муртадов в Палестине. <…> Кровь кафиров становится подобно крови собаки, за которой нет греха, нет штрафа, – сказал Всевышний Аллах. <…> А также Он сказал: “Когда встречаетесь с неверующими на поле боя, рубите головы”»* (https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg).

Для более детального анализа того, как конструируется образ врага и оправдывается насилие, обратимся к Таблице 2.

Таблица 2. *Идеологическая маркировка оппонентов и конструирование образа врага во фрагменте террористического дискурса*

Лексическая единица	Идеологизированная оценочная сема	Функция в Т-тексте
Рафидиты, Нусарийты (Сектантские обозначения)	Ересь, предательство, нечистота, недостойность.	Используется для внутреннего раскола и обозначения врагов внутри религиозного сообщества. Легитимирует насилие против тех, кто исповедует иные течения.
Яхуды (Евреи)	Абсолютное зло, извечный враг, источник всех бед.	Служит для конструирования универсального, исторически закрепленного образа врага, на которого можно возложить ответственность за все проблемы.
Кафир (неверный)	Нечистота, невежество, отсутствие права на существование.	Обозначение всех, кто не разделяет идеологию. Данное слово лишает оппонента человеческих прав и моральной ценности, делая его объектом, а не субъектом.

Лексика с отрицательной оценочностью выполняет функцию дегуманизации, присваивая врагам уничижительные и часто религиозно окрашенные ярлыки. Т-текст исключает их из морального поля, делая их убийство или преследование не только допустимым, но и необходимым актом. Эта бинарная оценочность, где «свое» всегда «добро», а «чужое» всегда «зло», является краеугольным камнем пропаганды, упрощающим сложную реальность до примитивной схемы «мы» против «них» и эффективно мобилизующим эмоции страха и ненависти.

В основе собственно языкового компонента значения лежат не объективная реальность или эмоциональные оценки, а те ассоциативные и системные связи, которые слова приобретают и поддерживают в сознании носителей языка, объединенных общим языковым коллективом. Этот компонент отражает, как слово «встроено» в языковую систему и как оно взаимодействует с другими словами. В его структуре мы выделяем три взаимосвязанных микрокомпонента, каждый из которых раскрывает специфические аспекты функционирования слова: парадигматический, синтагматический и стилистический:

1. Парадигматический микрокомпонент (семантические отношения в системе). Этот микрокомпонент значения слова несет информацию о его парадигматических семантических связях – то есть о тех отношениях, которые словесная единица устанавливает с другими словами вне конкретной линейной последовательности (т. е. вне реального высказывания), на уровне языковой системы. Он описывает принадлежность слова к определенным семантическим полям, группам или классам в рамках того или иного языкового образования. Среди наиболее универсальных и регулярно встречающихся парадигматических отношений выделяют:

Синонимия (например, «*бороться*» и «*сражаться*»). В идеологическом дискурсе синонимы могут использоваться для усиления или нюансирования определенных смыслов, а также для создания псевдоразнообразия при сохранении ключевого идеологического ядра.

Антонимия (например, «добро» и «зло»). В идеологизированных текстах антонимия часто становится основой для бинарных оппозиций, категорично разделяющих мир на «своих» и «чужих», «истинное» и «ложное».

Понимание этих связей критически важно для выявления того, как идеология манипулирует смысловыми полями, предлагая выгодные для себя ассоциации и исключая нежелательные.

2. Синтагматический микрокомпонент (сочетаемость и контекстные ограничения). Этот аспект семантики слова, также известный в лингвистике как селективный компонент значения (Стернин, 2015), конфигуративные признаки (Селиверстова, 1975) или сочетаемостная ценность, отражает уникальные закономерности его лексической, синтаксической и фразеологической сочетаемости. Иными словами, он определяет, с какими другими словами данное слово может или не может сочетаться в речи. Общеизвестно, что допустимой считается такая сочетаемость, при которой в структуре значений взаимодействующих словесных единиц присутствуют либо идентичные, либо непротиворечащие семантические компоненты. И, напротив, категорически недопустима или аномальна сочетаемость слов, обладающих антонимическими или взаимоисключающими семами, что приводит к стилистическим ошибкам или созданию особого экспрессивного эффекта. В идеологическом дискурсе манипуляция сочетаемостью может приводить к образованию непривычных, но идеологически «правильных» словосочетаний, которые постепенно закрепляются в сознании.

3. Стилистический микрокомпонент (функциональная и оценочная окраска). В стилистическом микрокомпоненте значения слова содержится информация о тех характеристиках, которые слово приобретает в процессе его реального использования в речи и которые прочно закрепляются в сознании носителей языка за его звуковой (или графической) формой. Этот компонент отражает, в каких ситуациях, с какой целью и с каким эффектом используется слово. В соответствии с многообразием типов стилистической информации, входящей в семантику языкового знака, стилистический микрокомпонент значения слова проявляется в нескольких разновидностях: функционально-стилистический – указывает на принадлежность слова к определенному функциональному стилю речи (например, официально-деловому, публицистическому, разговорному). Квантитативно-стилистический (частотно-стилистический) – отражает частоту использования слова, его обыденность или, наоборот, редкость. Темпорально-стилистический – определяет временную отнесенность слова (архаизм, неологизм, общеупотребительное). Социально-стилистический – связан с использованием слова в определенных социальных группах, субкультурах, жаргонах. Экспрессивно-стилистический – указывает на эмоционально-оценочную окраску слова (нейтральное, возвышенное, сниженное, уничижительное). В идеологизированных текстах, особенно террористических, стилистический микрокомпонент играет огромную роль, поскольку формирует нужное отношение к передаваемой информации, используя слова с ярко выраженной экспрессией, апеллируя к конкретным социальным группам и создавая ощущение актуальности или, наоборот, вековой традиции.

Применим вышеизложенную теоретическую базу к анализу фрагмента текста: «О*, единобожники в Америке и Европе, Австралии и в Канаде, о единобожники в Алжире, Хорасане, Иране. О единобожники во всех концах земли, о братья, о люди дружбы и непричастия, о помощники Исламского государства*, о те, кто поддерживает Халифат, ваше государство подверглось новой крестовой атаке, о единобожники, мы побуждаем тебя защитить Исламское государство*, вставай единобожник, вставай и защищай свое государство, вставай, помогай своим братьям*…» (https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg):

1. Парадигматический микрокомпонент (синонимия и гиперо-гипонимия, антонимия).

Слово «*единобожники*» выступает как гипероним, объединяющий «*братьев*», «*людей дружбы и непричастия*», «*помощников Исламского государства**», «*тех, кто поддерживает Халифат*». Это создает ощущение широкой, но семантически единой общности, несмотря на географическое разобщение. Все эти термины, по сути, являются синонимичными обозначениями для целевой аудитории. «*Исламское государство**» и «*Халифат*» используются как синонимы, что легитимизирует первое через отсылку ко второму, исторически и религиозно значимому понятию, устанавливающему связь с идеализированным прошлым.

Имплементированная антонимия «*единобожники*» и «*крестовая атака*». «Единобожники» воспринимаются как «*свои*», «*праведные*», «*защищающиеся*», тогда как «*крестовая атака*» маркирует «*чужих*», «*агрессоров*», «*неверных*». Эта бинарная оппозиция фундаментальна для построения идеологического конфликта. Неявно также присутствует оппозиция «дружба и непричастие» (к ложному) и «вражда и причастие» (к ложному).

2. Синтагматический микрокомпонент. «*Новая крестовая атака*» – сочетание является идеологически нагруженным. «*Крестовая*» – историческая, религиозная коннотация, ассоциирующаяся с многовековым противостоянием, «*атака*» – с агрессией. Совмещение этих слов активизирует историческую память и мифы, придавая современному конфликту черты вечной борьбы. В данном случае имеет место сочетаемость, допустимая в рамках определенной идеологии, однако отклоняющаяся от стилистических норм нейтрального дискурса. «*Защищать Исламское государство**» / «*защищай свое государство*». Сочетание «*защищать*» (позитивно окрашенное действие) с «*Исламское государство**» (название террористической организации) создает семантическую легитимацию данной организации, представляя ее как нечто, требующее защиты. Это сочетание является идеологически «правильным» и целевым. «*Помощники Исламского государства**» / «*поддерживает Халифат*» – сочетания прямо указывают на активно одобряемые действия – помощь и поддержку.

Синтаксическая сочетаемость (повторяющиеся императивные конструкции): «*Вставай единобожник, вставай и защищай свое государство, вставай, помогай своим братьям…*». Множество повелительных наклонений (императивов) создает ощущение настойчивости, срочности и прямого призыва к действию, что придает тексту

директивный характер. Анафора «*О единобожник и…*» в начале предложения многократно повторяет обращение, усиливая эффект призыва и создавая ощущение всеохватности и единства.

3. Стилистический микрокомпонент (функционально-стилистический). Текст относится к агитационно-пропагандистскому (публицистическому, призывному) стилю. Его цель – не информирование, а убеждение и мобилизация. Обращение «*О, единобожники»* и «*братья»* указывает на попытку активизировать и сплотить специфическую социальную (религиозную) группу, создавая ощущение интимности и принадлежности к «своим», которые понимают эти «коды». Упоминание географических названий (*Америка*, *Европа*, *Австралия*, *Канада*, *Алжир*, *Хорасан*, *Иран*) указывает на глобальный охват целевой аудитории.

Текст насыщен высокой экспрессией, что достигается многократными восклицаниями и обращениями; использованием эмоционально заряженных слов («*крестовая атака*», «*защищать*», «*помогать*»); императивными формами, придающими тексту категоричность и срочность. «*Дружба и непричастие*» – создание пафосной, идеологически заряженной формулы для определения лояльности.

Анализ данного фрагмента на уровне собственно языкового компонента демонстрирует, как террористический дискурс тонко использует системные свойства языка для достижения своих идеологических целей.

На парадигматическом уровне создается иллюзия широкого, но монолитного сообщества «*единобожников*», объединенного общей угрозой и целью. На синтагматическом уровне формируются специфические, идеологически «правильные» словосочетания, которые либо легитимизируют насилие, либо демонизируют противника, активизируя исторические мифы. На стилистическом уровне используются приемы агитационно-пропагандистского стиля для мобилизации эмоций, создания чувства принадлежности и непосредственного призыва к действию.

Таким образом, собственно языковой компонент значения здесь не является нейтральным проводником информации, а становится активным инструментом для конструирования идеологической картины мира, где каждое слово, его связи и способ употребления служат цели манипуляции сознанием реципиента.

Подводя итоги основной части исследования, можно констатировать, что террористический дискурс представляет собой высокоорганизованную систему лингвистической манипуляции. Как показал анализ, на денотативном уровне происходит активная перекодировка реальности, где традиционные понятия добра и зла меняют свой знак, а легитимизация насилия достигается посредством их трансформации в религиозные обязанности. Эмотивный компонент целенаправленно формирует бинарную оценочность, поляризуя аудиторию на «своих» и «чужих» и способствуя дегуманизации оппонентов. И, как было подробно рассмотрено, собственно языковой компонент задействует парадигматические, синтагматические и стилистические механизмы для создания ложной солидарности, формирования идеологически «правильных» словосочетаний и прямого призыва к радикальным действиям. Комплексное изучение этих уровней позволяет глубоко понять, как язык становится мощным инструментом для искажения мировоззрения и мобилизации сторонников.

Заключение

Проведенный анализ фрагмента Т-текста, апеллирующего к «единобожникам» по всему миру и призывающего к защите «*Исламского государства**» от «*крестовой атаки*», позволяет сделать ряд выводов о механизмах идеологического воздействия, реализуемых через манипулирование значением лексических единиц на различных уровнях. Наше исследование подтверждает, что террористический дискурс характеризуется крайней степенью идеологизированности, которая пронизывает все уровни языковой системы. Эта идеологизация является определяющей для формирования как денотативного (предметно-логического), так и эмотивного (эмоционально-оценочного) компонентов значения ключевых слов. В отличие от нейтрального дискурса, где значение слова формируется под влиянием объективной реальности, в Т-тексте идеология выступает первичным фактором, определяющим его содержание и оценку. Идеологизированные денотативные семы ключевых слов Т-текста используются для активного перекодирования реальности, при котором базовые понятия и ценности получают радикально иное толкование, подчиненное целям террористической пропаганды. В частности, терроризм (насилие, убийство) переосмысливается как «джихад», «справедливое возмездие» и «очищение», теряя свою негативную коннотацию и приобретая черты моральной необходимости. «Исламское государство*» (террористическая организация) позиционируется как «свое государство», законный и суверенный субъект, требующий защиты и поддержки. Западная цивилизация (и ее ценности) представляется как «крестовая атака» и «агрессия», что активирует историческую память и формирует образ внешнего врага, угрожающего «истинной вере». Эмоционально-оценочный компонент семантики ключевых слов в Т-тексте тесно связан с денотативными семами и служит для усиления идеологического воздействия на реципиента. Лексика четко поляризуется на две группы – слова с положительной оценочностью («джихад», «единобожники», «Халифат», «защита») вызывают чувства одобрения, гордости, надежды и преданности, формируя образ идеального будущего и легитимизируя насилие как средство его достижения; слова с отрицательной оценочностью (крестовая атака, неверные, яхуды, рафидиты) провоцируют отвращение, негодование, страх и ненависть, дегуманизируя оппонентов и оправдывая насилие против них. Такое бинарное деление реальности на «своих» и «чужих» создает упрощенную картину мира, в которой легко ориентироваться и принимать решения, что повышает эффективность пропаганды. Анализ собственно языкового компонента значения показал, что Т-текст активно использует системные свойства языка для достижения идеологических целей. На парадигматическом уровне создается

иллюзия широкого и монолитного сообщества, объединенного общей угрозой и целью (синонимия: *единобожники = братья = помощники* и т. д.). На синтагматическом уровне формируются специфические, идеологически «правильные» словосочетания, которые легитимизируют насилие и демонизируют противника («*защищать Исламское государство*», «новая крестовая атака*»). На стилистическом уровне используются приемы агитационно-пропагандистского стиля (восклицания, императивы, пафос) для мобилизации эмоций, создания чувства принадлежности и срочного призыва к действию («вставай», «защищай», «помогай»). Формирование искаженного мировоззрения и мобилизация к насилию – главная цель террористического дискурса – не просто передать информацию, а сформировать у реципиента искаженное мировоззрение, в котором реальность переинтерпретируется через призму радикальной идеологии. Это достигается путем манипулирования значениями ключевых слов на различных уровнях. Конечной целью этой манипуляции является мобилизация сторонников к насилию против тех, кто не разделяет их убеждения. Через сакрализацию насилия, дегуманизацию врага и создание чувства глобальной солидарности Т-текст убеждает своих последователей в необходимости активных действий для достижения целей террористической организации. Понимание механизмов идеологического воздействия, реализуемых в террористическом дискурсе, имеет важное значение для разработки эффективных стратегий противодействия экстремизму и терроризму. Лингвистический анализ позволяет выявлять и деконструировать манипулятивные приемы, используемые в Т-текстах, и разрабатывать контр-нарративы, направленные на развенчание экстремистской идеологии и предотвращение радикализации.

Дальнейшее исследование может включать анализ более обширного и разнообразного корпуса террористических текстов (например, аудиовизуальные материалы, сообщения в социальных сетях, видеообращения, прокламации на различных языках), что позволит идентифицировать общие и специфические лингвоидеологические паттерны в зависимости от типа медиума и целевой аудитории. Особый интерес представляет сравнительный анализ текстовых, аудио- и видеоформатов с точки зрения их воздействия. Представляется перспективным проведение сравнительного анализа проявления идеологизированности в лексической семантике Т-текстов, созданных в рамках различных языковых и культурных традиций, что позволит диагностировать универсальные механизмы идеологического воздействия, а также специфические особенности, обусловленные языковой картиной мира и социокультурным контекстом каждого дискурса. Перспективно исследование эволюции идеологизированных денотативных и эмотивных сем во времени. Анализ того, как меняются ключевые понятия (например, «джихад», «Халифат», «враг») в террористическом дискурсе на разных этапах его развития, позволит понять адаптационные механизмы идеологии к меняющимся политическим, социальным и технологическим условиям. Дальнейшее исследование может быть дополнено количественными методами (например, контент-анализ, корпусный анализ), направленными на определение частотности употребления идеологически нагруженных лексических единиц, их сочетаемостных характеристик и стилистических особенностей, что позволит объективировать и статистически подтвердить выявленные качественные закономерности. На основе полученных результатов возможно создание лингвистических моделей и алгоритмов для автоматизированного обнаружения, классификации и анализа террористических текстов в больших объемах данных (например, в интернете), что имеет важное прикладное значение для обеспечения информационной безопасности.

Примечание: (*) – организация признана в России террористической и запрещена.

Источники | References

1. Базаркина Д. Ю. Модели общественных преобразований глазами террористов: революция или реакция? Попытка компаративного анализа на опыте ЕС // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. Вып. 41.
2. Бахтин С. И., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Феномен террора. Социально-философский ракурс // ТеррорАнтитеррор: сибирское измерение: монография. Новосибирск: Сибирское научное изд-во, 2006.
3. Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000.
5. Бодрияр Ж. Дух терроризма. 2001. https://inosmi.ru/20011106/142061.html?ysclid=mjh5vs6uxa433847758
6. Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2007.
7. Вайнманн Г. Теракт как театральная постановка на сцене СМИ // Журнальный клуб Интелрос “eJournal USA”. 2007. № 5.
8. Вахитов Р. Р. Современный террористический акт как Текст Спектакля (опыт семиотики террора) // Философская газета. 2001. № 13.
9. Галяшина Е. И., Никишин В. Д., Богатырев К. М., Пфейфер Е. Г. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2023.
10. Гао Лия. Лексические трансформации в языке революционных газет (на материале «Народной газеты») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 3. https://doi.org/10.30853/phil210112
11. Генералова С. Н. Идеологические коннотативы как отражение идеологического кода в президентском дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 7. № 2.

12. Глебездин А. В. Роль русофобии в поддержании политической идентичности украинского государства // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 2. https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-154-167
13. Громова Н. С. Вербальный экстремизм как форма речевого манипулирования адресатом // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. 2016. Вып. 6.
14. Заварзина Г. А. Языковые маркеры террористически окрашенного текста и методика их выявления // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2023. № 1.
15. Загоровская О. В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2011.
16. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
17. Кафтан В. В., Найдина Т. В. Дискурсивные практики современного терроризма в информационно-коммуникативном пространстве // Пространство и время. 2013. № 3 (13).
18. Колобова С. В. Когнитивные медиафреймы в дискурсе современных цифровых коммуникаций: структурный анализ и риски манипулятивного воздействия // Социальные коммуникации: философские, культурологические, исторические, психологические, политические, религиозные измерения: сборник статей. Кемерово: Кемеровский государственный университе, 2025.
19. Королькова А. В. Проблемы лингвистической экспертизы текстов экстремистской направленности // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 10. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.134.10.048-055
20. Кряжев С. В. Проблемы назначения судебной лингвистической экспертизы // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. И. Шиканова, Иркутск, 10 декабря 2021 г. Иркутск, 2021.
21. Куршакова Т. Д., Рядчикова Е. Н., Схаляхова С. Ш. Языковые маркеры экстремизма, фашизма, нацизма: из практики судебных лингвистических экспертиз // Казанская наука. 2023. № 6.
22. Медведко Л. И. Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? Миры в мировых и «других» войнах на разломе эпох. М.: Кучково поле, 2003.
23. Назаров В. Л., Осипчукова Е. В. Международный опыт профилактики экстремизма. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015.
24. Насруллаев Т. Лингвокультурные маркеры джихадистских материалов // Русский язык в XXI веке: исследования молодых: материалы XI международной научной студенческой конференции, Астана, 13-14 февраля 2024 г. Астана: Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, 2024.
25. Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов. М.: Наука, 1975.
26. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2015.
27. Тузиков А. Р. Концепция идеологии и идеологического дискурса в современной социологии – методология исследования социокультурных особенностей молодежного экстремизма в мировом пространстве // Вестник Казанского технологического университета. Серия: СМИ (медиа) и массовые коммуникации. 2011. № 17.
28. Черезова М. А. Деструктивные стратегии участников онлайн-коммуникации (на материале немецкоязычных СМИ) // Политическая лингвистика. 2024. № 3 (105).
29. Derian J. Critical practices of international theory. Selected essays. N. Y.: Routledge, 2009.

Информация об авторах | Author information

RU

Сандлер Павел Владимирович[1]
[1] Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург

EN

Pavel Vladimirovich Sandler[1]
[1] Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg

[1] *pavelsandler67@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.11.2025; опубликовано online (published online): 23.12.2025.

Ключевые слова (keywords): террористический дискурс; идеологическая трансформация; лексическая семантика; собственно языковой компонент; манипулятивное воздействие; terrorist discourse; ideological transformation; lexical semantics; linguistic component proper; manipulative influence.